

ЛИЧНОЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ДЕЛО

Ф Е Д О Р ✈ А Н И Ч

Я сделаю это
для нас

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А67

Оформление серии *С. Власова*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Анич, Федор.

А67 Я сделаю это для нас / Федор Анич. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Личное дело.
Остросюжетные романы Федора Анича).

ISBN 978-5-04-091612-2

Я никогда не принимал на себя долгосрочные обязательства, потому что знал — я не смогу их исполнить, ведь моя жизнь мне не принадлежит, я не живу, а жду, когда за мной придет убийца. Я противился длительным рабочим контрактам, стабильным отношениям с девушками, никогда ничего не ждал, не планировал будущего... Но все изменилось, когда мой дядя, известный европейский писатель, погиб и перед смертью поручил мне дописать книгу, в которой рассказывается история нашей семьи. И теперь мне придется не только закончить его работу, но и лицом к лицу столкнуться с человеком, который застрелил моих родителей и должен убрать меня...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091612-2

© Анич Ф., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

—≡ Пролог ≡—

Рано или поздно убийца придет за мной.

Этот страх неотрывно преследовал меня всю жизнь: с детских лет и до сегодняшнего дня. И завтра он тоже будет. Нет, я уже не озираюсь по сторонам, не боюсь собственной тени и, когда ложусь спать, выключаю свет. Я не чувствую на своей спине взглядов и не слышу шорохов в тишине. У меня нет мании преследования, я не повернут на собственной безопасности, ничего такого.

Я просто твердо знаю: он со мной еще не закончил.

Когда это случилось, мне было десять лет. Я как сейчас помню тот летний день, понедельник, седьмое июня. Мы всей семьей собиравались на дачу — так мы называли наш подмосковный дом в Орехово-Зуеве, он и сейчас там стоит. Но теперь в нем нет того тепла и уюта, как тем летом. Когда мы к вечеру приехали с отцом, мама с малышкой уже были на даче, и в камине весело хрустел огонь, во дворе играло радио, а у высокого каменного забора с тихим достоинством наполнялся бассейн. Мы открывали дачный сезон. Мама взяла отпуск на полтора месяца, а отец — на три недели. Это должны были быть счастливые деньки отдыха семейства Даниловых. Но так вышло, что на следующий день наша семья попала на первые полосы газет.

Самый важный член нашей семьи — трехгодовалый Костик — был на даче впервые, мама никак не соглашалась везти малыша в машине так долго, почти пять часов с учетом всех пробок, и предыдущим летом на даче мы были втроем: я, Мэри и папа.

В том году Мэри было пять.

Я вполне успешно закончил пятый класс, первый год в школе, когда не учителя приходили к нам, а мы бегали по кабинетам на уроки. Скажу откровенно — такой подход мне нравился больше, он добавлял важности всему процессу. Вот звенит звонок, мы с деловым видом поднимаемся из-за своих парт, складываем причиндалы в портфель, не теряя ни минуты, ведь мы торопимся на следующий урок! С важным видом покидаем класс, чтобы через три-четыре минуты так же важно войти в новую аудиторию, где нас уже ждут новые знания. Я был отличником, и у меня был довесок — меня назначили дежурным по журналу, и после уроков мне позволялось первому вставать и подходить к столу учителя, чтобы забрать высшую школьную ценность — классный журнал, крепко прижать его к груди и выйти из класса первым, чтобы одноклассники не домогались с проверкой своих оценок. Если новый кабинет был закрыт, только я и никто другой мог постучать и войти, чтобы передать классный журнал учителю, а потом спокойно положить портфель на свое место и выйти из класса. Это привилегия, и я отлично справлялся со своими обязанностями.

Правда, в классе затесался конкурент — внезапно Соня Липедова, стабильная троечница, вдруг начала набирать обороты и год закончила с одной четверкой по физкультуре. Если так пойдет и дальше, обязанность-привилегию носить журнал могут разделить между нами. Меня это не устраивало категорически.

Во-первых, испокон века, то есть с первого класса, только Ваня Данилов был отличником. Разделять этот успех я не был готов ни с кем. Народ в классе знал, что я всегда готов дать списать домашнюю работу, но никогда не давал списывать сочинения или эссе, потому что это — святое. Лавры за мои мозги должны достаться только мне! А во-вторых, всего лишь за год в пятом классе я трижды выменял у девчонок право поглазеть на оценки в журнале на поцелуи, и все шло к тому, что в следующем году ставки будут серьезнее. Может быть, девчонки снизойдут до поцелуев всерьез, а не в щечку, как маленькие. А если журнал хоть на какое-то время окажется в руках Соньки Липедовой, то прощай мой бизнес! Сонька, завладев журналом, будет показывать его всем девчонкам в классе, и мои акции резко упадут! С поцелуями получится только с Лизой Шестопаловой, но ей я даю в журнал смотреть и бесплатно, уж больно ее прыщи меня смущают.

Впрочем, не сказать, что я был чрезвычайно расстроен этим обстоятельством, но в голове у меня навязчиво сидела проблема, которую требовалось обсудить с другом Димкой, который обещал клятвенно, что приедет в Орехово не позже десятого июня и сразу же зайдет ко мне. Обсуждать этот вопрос больше было не с кем.

В общем, моя голова была забита своими проблемами, и совершенно неудивительно, что я не заметил, что родители немного повздорили. Если бы я был сконцентрирован на домашних делах, а не думал о школьных поцелуях, вероятно, я бы знал все с самого начала!

Сейчас я понимаю, в чем была причина, а тогда я уловил только одно: брат папы, дядя Вова, человек нехороший и совершил какой-то ужасный поступок, который бросил тень на всю нашу семью.

Наша семья была не сказать чтобы большой. Пару месяцев назад мы ездили на кладбище, где навестили всех своих родственников. Поскольку я считался уже большим, я был приобщен к работе с отцом — красил оградку на могиле деда, выпалывал сорняки за памятником бабушки. Мама осталась дома с Костиком и Мэри, а мы с папой облагородили сначала могилы его родителей, потом — маминых.

У мамы ни сестер, ни братьев не было, а у отца был брат — дядя Вова. Так что наша семья — это мы и дядя Вова. Я не понимал, какую тень дядя Вова мог бросить на нас, это стало мне известно намного позже.

В общем, результатом мягкой ссоры между родителями стал тот факт, что дядя Вова на дачу не приедет вообще, ни сегодня на пикник, ни позже. Мне было очень жаль, дядя Вова мне нравился. Он всегда с удовольствием играл со мной в войнушку, помогал строить на дереве шалаш, чем приводил маму в состояние, близкое к обмороку. Мама запрещала отцу помогать мне со строительством, и каждое утро мне приходилось вытаскивать бревна из поленицы, потому что мама их вечно сбрасывала обратно и запирала сарай. Она была уверена, что мой шалаш обвалится к чертям, погребя под своими обломками мое мертвое тело с вывернутой шеей.

Но шалаш — это ерунда, в конце концов скоро приедет Димка, и мы решим, что с ним делать. Может быть, мы достроим тот, что у нас во дворе, или выстроим новый, где-нибудь позади дачи Обломовых. За этой дачей начинался реденький лес вдоль Черной речки, и я давно присмотрел там высокое дерево с огромной и устойчивой развилкой под кроной. Место для строительства хорошее, а вид оттуда еще лучше — на Ольтовское озеро. В общем, эта

проблема решаема. А вот отсутствие дяди Вовы — катастрофа.

Дядя Вова был настоящим пацаном в прямом смысле этого слова. Он ни разу не заложил меня родителям. Даже когда мы с Димкой обкурились отцовскими сигаретами «Родопи» за той самой дачей Обломовых и дядя Вова нас увидел, мы получали по задницам до самого дома, но ни матери, ни отцу он ничего не сказал. Я дал дядя Вова слово не курить и больше и правда не курил (по крайней мере, тем летом). Если я затевал пакость, дядя Вова всегда был готов прикрыть меня перед матерью — брал всю ответственность на себя, говорил, что получившийся результат его вина, потому что он разрешил. Хотя, естественно, он зачастую был ни сном ни духом.

Короче, тот факт, что дядя Вова совершил какой-то страшный поступок и это бросило тень на нашу семью, вытеснил из головы мою проблему с Сонькой Липедовой, и остаток дня я думал только о том, как помочь дяде Вова. И даже готовился на серьезный разговор с отцом.

Я дождался, когда отец наколет дров, помог ему стаскать их в поленницу, положив подходящие для моего строительства доски пониже, чтобы можно было утащить их в щель между дверью и полом, если матери вздумается опять все закрыть на замки. Я помог с бассейном, выловил сачком все упавшие в него листья с дерева, которое третий год страдало от моей непрекращающейся стройки. Подмел дорожку, вынес мусор. В общем, доказал, что я полноценный член общества, и подсел к отцу на ступеньках дома, когда он решил немного отдохнуть и выкурить сигаретку.

— Пап, а почему дядя Вова больше не придет?

Отец молчал, глядя куда-то вдаль. Куда он смотрел, я не понимал — со ступеней вид только на забор и соседский дом.

— Вань, давай оставим эту тему, — сказал он наконец. — Я не готов с тобой обсуждать это.

— Но дядя Вова хороший, — возразил я.

— Я знаю, что он тебе нравится, парень, но поверь мне, гораздо лучше, если дядя Вова будет держаться от тебя подальше.

— Ну пап...

— Ваня, этот вопрос закрыт. Иди мой руки, скоро будем обедать.

Я понял, что с отцом ухи не сварить, и пристал к маме. Пришлось, правда, повозиться — не заявляться же с серьезным разговором в кухню к женщине, для которой не сделал даже самой малости. Мама выглядела расстроенной, я старался не мешать ей, но упорно демонстрировал свою помощь. Слишком громко гремел кастрюлей в мойке, пока ее мыл, слишком сильно шуршал мусорным пакетом, вытряхивая из него в общий пакет какие-то очистки и пакетики. В конце концов моя старательность была оценена, и я получил от мамы пряник и безраздельное внимание.

— Мама, а что случилось с дядей Вовой? — шепотом спросил я, чтобы не услышал отец, который возился в гостиной с Костиком.

— Ванечка, мы не будем с тобой говорить об этом.

— Я слышал, как папа сказал, что дядя Вова совершил ужасный поступок, который бросил тень на всю нашу семью, — не отставал я. — Я ведь тоже член нашей семьи и должен знать, какую такую тень бросил на меня дядя Вова.

Мама посмотрела на меня серьезно, как будто впервые увидела. Наверное, она никак не ожида-

ла, что я в свои небольшие, в общем-то, годы стану предъявлять взрослые претензии.

— Я понимаю, малыш, но говорить с тобой об этом мы не будем. Но не думай о дяде Воле что-то плохое, папа неправ в том, что сказал. Дядя Вова не совершал никаких страшных поступков и никакую тень на нас не бросал. Но это между нами, папе не говори, иначе он расстроится.

— Почему?

— Потому что это взрослые разговоры и совершенно не твое дело.

Ну как это понимать — не мое дело? А шалаш я один строить буду? Или с Димкой? Он даже по гвоздю попасть два раза подряд не может, не то что дядя Вова...

В общем, от мамы я тоже ничего не добился. В моей голове засела эта мысль: дядя Вова плохой, он совершил страшный поступок, он бросил тень на семью... Так я и думал об этом до самого пикника. Пикник мы устраивали традиционно в первый день заезда на дачу, у Черной речки.

Малышню вывозили партиями.

Сначала мы с отцом и Костик в коляске. Отец нес две объемные плетеные корзины с провизией, а я управлял коляской, в которой верещал Костик. На природе ему не нравилось, истинный городской человечек. Он любил вид из окон нашей квартиры на Ленинградском проспекте и ровный асфальт в парке за домом. А ухабистая дорожка вдоль реки симпатий не вызывала, как и жужжащие перед носом мухи.

Мы добрались до нашего места.

Мелководная Черная речка течет по равнине и только в одном месте утопает ниже, под небольшой утес, образуя водяной карман, в котором даже можно купаться, огибает его и уносится прочь, ви-

ляя, как дождевой ручеек, до самого Ольтовского озера. Вид с утеса очень красивый: на озеро с одной стороны и поселок — с другой. Водяной карман был моим личным озером, которое я прозвал Черным озером, и даже табличку нарисовал и вбил ее у самой кромки воды в прошлом году, когда мы выезжали на пикник по случаю закрытия дачного сезона. В этот раз, естественно, никакой таблички не было, но я собирался сделать новую.

Со вздохом оставив отца с Костикум на утесе у Черного озера, я побежал обратно в дом.

Маму с Мэри я застал у ворот. В мои обязанности входило сопровождение Мэри до утеса и помощь маме с сумками. Мэри была девушкой приличной, никаких проблем не создавала, послушно шла и крепко держала меня за руку.

— Мам, может, мы все-таки поговорим о дяде Вове? — предпринял я еще одну попытку, но, поймав мамин взгляд, понял, что эта попытка тоже провалилась.

Пикник начался с жизнерадостного тоста отца. Он налил всем сока, и даже Костику дали в бутылочке сок, хотя он был уже достаточно взрослым, чтобы пить из стакана. Папа говорил и улыбался, но мне было грустно. Это лето обещало быть не таким веселым, как предыдущие. И не сказать бы, что отец выглядел искренне веселым — ну конечно, какое тут веселье, когда твой родной брат совершил *ужасный* поступок? Мама, понятное дело, с отцом была не согласна, и ее выдавала поза — напряженная, хотя она и пыталась казаться расслабленной, но слишком сильно упиралась на руку, а ноги лежали на земле слишком неподвижно. Я был обижен на обоих родителей за то, что они не рассказали мне про дядю Вову. В общем, начало не самое доброе. И только малышня искренне радовалась солнцу,

даже Костик и тот с интересом наблюдал за течением Черной речки.

Откуда мне было знать, что тот пикник был последним, который я провел вместе со своей семьей?

* * *

Обычно мы заканчивали до заката, но в тот день все затянулось. Отец, поняв, что мама с ним принципиально не желает разговаривать нормальным, будничным тоном, переключил свое внимание на Костика, а мне досталась Мэри. Мама наблюдала за нами, попивая из пластмассового стаканчика апельсиновый сок. Мы с Мэри играли в догонялки, и я, понятное дело, должен был поддаваться, чтобы не играть у малышки на нервах. В школе в догонялки я обыгрывал всех, и только мой друган Димка мог меня догнать с учетом всех моих уверток и внезапных смен траектории.

Мама начала собирать наш пикник около девяти часов вечера, темнеть еще не начало. Но Костик выразил желание продолжить, и мама, к моему большому удивлению, махнула рукой, раскрыла книжку, оперлась о дерево и безмятежно читала. Мы с Мэри продолжали играть, забавлялись вдалеке от обрыва, а отец подбрасывал на руках Костика, заставляя того визжать от восторга.

Темнота наступила неожиданно. Я вдруг понял, что вижу только белесую макушку Мэри, но не ее ботиночки, ухватил за увертывающуюся ладошку и подошел к маме. Мама уже не читала, пикник был собран, отец и Костик сидели тут же, спокойные. Костик готовился сладко заснуть в своей коляске, а я не понимал, как повезу коляску в темноте. Уезжали мы не партиями, а все вместе. Мне достались корзины, в которые мама собрала мусор, они были

не тяжелыми, но были объемными, и дорога до дома представлялась каторгой. Хотя круче всех, конечно, досталось отцу — ему пришлось волоочь на себе Костика и толкать перед собой груженную одеялами коляску по ухабам в кромешной тьме.

Но мы не успели даже спуститься с утеса, как нас ослепил свет фар. Автомобиль заехал прямо на утес и остановился в опасной близости от того места, где мы только что сидели. Даже угли от нашего костра еще тлели и представляли, на мой взгляд, опасность для колес. Это был «уазик» серого цвета, водителя было не видно.

Я не испугался, ведь я был с мамой и папой.

Заскрипела дверь, и из кабины кто-то вышел. Фары не погасили, и мне не было видно, кто это. Зато я услышал жесткий металлический звук, от которого отец шарахнулся в сторону, а мама присела за дерево, утягивая за руку меня.

— Эй! Кто вы, что вам надо? — крикнул папа.

И тут грянул выстрел. Я знал этот звук — точно так же он звучал и по телевизору, когда папа смотрел боевик, где все стреляли и громко кричали. Только сейчас выстрел был так оглушительен и страшен, что я оцепенел. В ушах звенело, в глазах стало совсем темно. В мой мозг сразу ворвались сцены из просмотренных украдкой боевиков, и я закричал:

— Мама! В папу стреляли! У него на руках Костик!

Но она лишь гладила мое лицо и крепко прижимала Мэри к себе, она ничего не говорила, только очень тяжело, сипло дышала. Я не понимал, что происходит. Я закрыл корзинами себя, маму, Мэри; мама схватила меня за руку и прижала к себе. Она дрожала всем телом.

Я зажмурился и закричал:

Я СДЕЛАЮ ЭТО ДЛЯ НАС

— Уходите немедленно! Я вызову милицию! Слышите?!

Кто бы там ни был, уходить он не собирался. Он выстрелил снова, и мне показалось — намного громче, чем в первый раз, я почти оглох. Мамина рука ослабела, она больше не сжимала мою ладонь. Из-под корзин с криком выбежала Мэри. Я попытался ухватиться за ее руку, но она растворилась в темноте. Я не видел, что с ней произошло, и не слышал ничего, кроме ужасного дыхания человека, который склонился надо мной...